

В традиционной лексике под *наукой* подразумевают: знание, деятельность, социальный институт, академическую систему и научно-техническую революцию. НТР - мощное социальное движение, связанное с коренным преобразованием природы производительной деятельности на основе вытеснения живого труда, рационализации и интеллектуализации жизни за счет превращения силы знания в непосредственную во многом решающую технологическую силу. Это сразу порождает многочисленные социальные проблемы, такие как: изменение структуры занятости, трансформация списка креативных профессий, преобразование социальной структуры. Начало этого процесса - 50-ые годы XX века. К 90-ым годам XX века это начинает называться как *экономика, основанная на знаниях*. Ключевым словом этой экономики становится *креативность*.

Креативности посвящено рекордное число современных зарубежных исследований в области гуманитарных инноваций, стратегий и моделей развития личности и общества, новых типов экономики и факторов исторического процесса.. Многие из подходов получили за Западе статус научных школ.

Это школа Ричарда Флориды в университете Джорджа Мейсона в Вашингтоне, выдвинувшая теорию особой роли креативного класса в современной мировой экономике или известный проект Чарльза Лэндри "Креативный город" (Великобритания), приводящих консультационные работы сфере развития городов и максимизации культурных ресурсов в тридцати с лишним странах мира.

При этом исследователи ограничиваются описательным принципом в определении понятия "креативность". Например, по Лэндри, суть концепции креативного города заключается в том, что каждое поселение может вести свои дела с большей долей воображения, более творческим и новаторским способом. По признанию Лэндри, источник креативности - это творческие люди и организации, формирующие на территории творческую среду.

Жак Ангела также убеждён, что "createur" - тот, кто творит, кто не стоит на месте, готов пуститься в профессиональную авантюру. Известный мэтр рекламного креатива видит в последнем значительную долю творческой мистики. Ведь нет ничего менее креативного, чем пытаться объяснить, что такое креатив.

Нередко подобный синонимический ряд можно обнаружить в зарубежных научных трудах, связанных с различными аспектами гуманитарного знания. Рассматривая многообразие принципов современных гуманитарных инноваций, Лоран Тевено в работе "Креативные конфигурации в гуманитарных науках и конфигурации социальной общности" подчеркивает: его интересуют самые разные конфигурации творчества, многообразные креативные формы гуманитарного знания - как те, что можно назвать революционными и еретическими, так и те, что соответствуют стандартам творчества, принятым в "нормальных" научных дисциплинах.

То есть понятия "творчества" и "креативности" выстраиваются в один синонимический ряд. Но они реализуются в разных эпистемических режимах.

Общество меняется в значительной степени потому, что мы этого хотим. Эти изменения не являются случайными и хаотичными, не являются они продуктом коллективного бессознательного. Перемены носят разумный и рациональный характер. Логика этих преобразований скрыта от нас, потому что сами преобразования все еще продолжаются.

Базовый принцип, управляющий этими сдвигами, заключается в человеческой креативности. По определению, *креативность есть способность создавать значимые новые формы*. **Креативность превратилась в основной источник конкурентного преимущества во всех сферах деятельности.**

Креативность выступает в качестве наиболее ценного товара новой экономики, не являясь товаром в прежнем смысле слова. Творческие способности человека нельзя купить или продать, включить или выключить по желанию. Творческий этос выходит за рамки профессиональной деятельности, проникая во все сферы жизни.

Одновременно возникли совершенно новые формы экономической инфраструктуры: систематические затраты на исследования и разработки, высокотехнологичные интернет-компании и разветвленная система венчурного финансирования. Все это помогает обеспечить должные условия для креативности и мобилизовать креативно мыслящих людей для работы над перспективными идеями и продуктами. Капитализм втянул в свою орбиту таланты различных групп эксцентриков и нонконформистов, прежде исключенных из экономики.

Маргиналы, ранее принадлежавшие к богемной периферии общества, оказались в самом центре инновационного экономического развития. Никто больше не считает творческого человека иконоборцем. Он представляет теперь дух времени.

Ядро креативного класса составляют люди, занятые в научной и технической сферах, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве и индустрии развлечений. Экономическая функция этого ядра заключается в создании новых идей, новых технологий и нового творческого содержания. Креативный класс включает в себя также обширную группу креативных специалистов, работающих в бизнесе, финансах, праве, здравоохранении и смежных областях деятельности. Эти люди занимаются решением сложных задач, для чего требуется независимость мышления, самостоятельность и высокий уровень образования. Все представители творческого класса разделяют общий творческий этос, для которого важны креативность, индивидуальные особенности и личные заслуги. Все проявления креативности (технологические, культурные и экономические) взаимосвязаны и неразделимы.

Новая структура систематического производства креативности включает в себя крупномасштабное финансирование фундаментальных исследований и разветвленную систему венчурного капитала, равно как и благоприятную атмосферу для использования артистической и культурной креативности. Креативность предполагает определенные типы мышления и характера, которые необходимо культивировать на индивидуальном уровне и в масштабах общества. *Креативный этос возникает повсюду, от профессиональной культуры до общечеловеческих ценностей и сообществ, изменяя наше представление о себе как об экономических и социальных субъектах, т. е. саму идентичность*. Креативность нуждается в поддержке, она напрямую связана с развитием новых условий труда, стилей жизни, форм общения между людьми и соседскими сообществами, которые способствуют творческой деятельности.

Развитые страны переходят к типу экономики, основанному на информации и управлении знаниями. Питер Друкер указал на знание как основной экономический ресурс современного общества. Ричард Флорида считает главной движущей силой креативность, т. е. создание на базе знания практических новых форм. *Информация и знание* – это орудия и рабочий материал креативности. Ее продуктом является *инновация* в форме

нового технологического изобретения, новой модели или метода ведения бизнеса.

Социальная эпистемология постулирует идею о том, что знание производится не только индивидуальными субъектами, но также и коллективно вовлеченными в некоторые специфические отношения, продолжающиеся на значительных пространственных и временных промежутках. Кроме того, социальный эпистемолог видит основания знания в качестве установленных, а не само собой разумеющихся. Они относятся к границам исследования, которые оставляют открытыми вопросы, касающиеся оснований знания: *какое знание должно производиться? Кем? Для кого?* Политика знания включает в себя деятельность, направленную на решение этих вопросов, которыми часто пренебрегают в обычной научной политике.

Наука как академическая система - самодействующая эшелонированная организация, представляющая множество социально поддерживаемых структур, специализирующихся на получении объективного общественно полезного знания. Организация науки весьма динамична сама по себе и варьируется в истории. Первый и основной тип научных объединений - это мастерская или школа, воплощающая разные типы ценностных установок. Таковы были платоновская Академия, Аристотелевский Ликей, Болонская юридическая школа, Салернская медицинская школа и другие.

С конца 11 - начала 13 века организация науки вступает в новый этап - фазу высшей школы. На континенте формируются два принципиально разных образовательных учреждения - Болонский университет и Сорбонна.

С 16 - первой половины 17 веков складываются вольные сообщества, клубы. Образовательный сектор науки дополняется исследовательским сектором. Со второй половины 17 века образуются национальные академии. Непосредственной их предтеча - флорентийская Академия опытов, которая провозглашала принципы коллективных исследований, описание произведенных в ней опытов не включало указаний на авторство. Это положило начало научно-исследовательской кооперации. В 1662 году основано Лондонское королевское общество, в 1666 году - Парижская академия наук, в 1700 - Берлинская, в 1724 - Петербургская. Параллельно возникают государственные обсерватории: 1672 - Париж, 1675 - Гринвич.

Развиваются формы научной коммуникации, ответственные за циркуляцию идей: налаживается выпуск журналов, записок, альманахов. В 1751 году появляется "Энциклопедия наук, искусств и ремесел", подводящая итоги науки, техники и философии того времени.

Вторая половина 18 века - очередная трансформация системы науки, означавших складывание специализированных научных и учебных заведений. Стимулированное Монжем открытие Парижской политехнической школы закрепляет разделение науки на фундаментальную и прикладную.

С середины 19 - начала 20 века разворачивается проблемно-прикладная организация разработок. Возникают отраслевые и межотраслевые центры, специализированные и комплексные программы. Оформление отраслевой науки венчает ее структурную дифференциацию.

Философским инструментом, позволяющим исследовать сегодня научные и образовательные организации становится *социальная эпистемология*.

Социальная эпистемология призвана закрыть междисциплинарный разрыв между философией и социологией. Философские теории знания чаще подчеркивают

нормативные подходы, не рассматривая их эмпирическую выполнимость, а также экономические и политические последствия. Классическая гносеология стремилась дать нормативное определение знания, но не объясняла того, какие практики обеспечивают наилучший доступ к подобному типу знания, а каких практик стоило бы избежать.

Социологические теории вводят дополнительную проблему экспликации эмпирического и идеологического характера знания. Но не предлагают руководства, как должна вестись политика знания. Социологическая литература оставляет впечатление, что знание действительно только в том случае, если обслуживает интересы тех, кто претендует на владение этим знанием.

Социальная эпистемология стремится преодолеть как абстрактную отчужденность философии, так и ситуативный цинизм социологии.

Термин *общество знаний* в широком идеологическом диапазоне зафиксировал возрастающую роль науки и техники в социальном управлении и экономическом производстве.

Социальная эпистемология презентует себя в качестве критической теории, стремящейся выявить негативные тенденции *общества знаний*, которые усиливают худшие стороны капитализма. Для социального эпистемолога *общество знания* представляет собой то, чем развитый капитализм является для интеллектуалов, которые адаптировались к его способу производства. Расцвет *общества знания* отмечен тем, что наука стала массовой. Это отразилось на всем: от бюджетов научных исследований до количества студентов, желающих получить дипломы. В постклассической политической экономии знание заняло такое же центральное место, как труд в классической политической экономии. Дискурс общества знания структурируется терминологией менеджмента знаний (КМ).

Ученые могут продолжать утверждать, что знание произведено тяжким трудом, который никогда полностью не вознаграждается. Однако плоды этого труда распространяются, насколько возможно широко. Для экономистов именно это делает знание общественным благом. В частности, такое знание производится университетом, преобразующим эзотерические исследования в новые темы для учебного плана.

Концепция знания как общественного блага демонстрирует тот факт, что университеты не очень экономичны в обычном рыночном смысле. С точки зрения менеджмента знаний, университету следовало бы разделить исследовательские и образовательные функции так, чтобы, с одной стороны, он стал корпоративным отделом научных исследований, а, с другой, - центром профессионального обучения.

«Постакадемическая концепция знания» размывает традиционные границы между знанием и рыночными товарами. Главный упрек социальной эпистемологии в адрес *общества знаний* состоит в том, что подрывается идеал автономии знания.

Книга "Новое производство знания" явилась результатом многонационального сотрудничества, во главе которого стояли Майкл Гиббонс и Хельга Новотни. Известность ей принесло различение двух способов производства знания, рассмотренных как процесс перехода от "внутренних" двигателей к "внешним".

Различие двух способов охватывает различие между исследованиями, управляемыми чисто академическими интересами, и исследованиями, управляемыми интересами, более релевантными в социальном смысле.

На практике возможности "способа 1" уже, чем университета. Они ближе к возможности

дисциплины или исследовательской программы. А понятие "способа 2" ближе к понятию "рыночного аттрактора".

Американский экономист Пол Самуэльсон в 1950-х годах выявил категорию благ, которые должны обеспечиваться государством, поскольку они никогда не будут эффективно поддерживаться в условиях рыночной экономики: здравоохранение, образование, коммунальное обслуживание и транспортные системы.

Определяющей чертой общественных благ является то, что ограничение доступа к ним слишком дорогостояще. Выгоднее разрешить доступ всем, чем позволять его только тем, кто за него заплатил.

Подход к общественным благам делает акцент на то, что они требуют инфраструктуры, которая наиболее эффективно функционирует и поддерживается на массовом уровне, независимо от способностей отдельных индивидов.

Только государство имеет власть заставить граждан заплатить налоги, чтобы обеспечить капитал для производства и поддержания общественных благ.

Идея неолиберализма состояла в том, что общество может процветать, даже, если многие из его членов отстают от рыночных лидеров.

Следствия отступления государства от регулирования гражданского общества не ограничиваются только этим: рыночные лидеры могут захотеть объединиться с внешними людьми из других обществ, заставляя социальную ткань все более распадаться. Национальные элиты отождествляют себя, скорее, с лидирующими мировыми элитами, чем с народами собственных стран.

Понятие *социального капитала* было отчасти предназначено для того, чтобы остановить утечку денег и талантов, связанную с межнациональными сетями, путем создания формы экономического протекционизма, не требующей полного осуществления государства всеобщего благоденствия, никогда не существовавшего в менее развитых странах.

Привлекательность социального капитала зависит от места проживания. Бедные люди развивающихся стран видят в нем оазис экономической самоорганизации в условиях отсутствия госконтроля или прямого беззакония. В развитом мире понятие социального капитала удовлетворяет тоску по объединенному образу жизни в "центробежное" время, обещает более высокую прибыль от более глубокой социализации ("приятели как сотрудники").

Однако, в конце концов, понятие *социального капитала* стало рассматриваться как *конкурентное преимущество*, как возобновление отношений инвесторов и остальных субъектов в условиях плотной социальной сети.

В этом отношении социальный капитал является примером того, что экономист Фред Хирш первоначально назвал *позиционным благом*, благом, чья ценность преимущественно привязана к *исключению* определенных потребителей (полная противоположность общественного блага).

Это свойство социального капитала отражается на всем обществе. С одной стороны, оно оправдывает кооперативные виды коммерческой деятельности, которые назначают инвесторам предпочтительные цены. С другой стороны, оно поощряет тесные неформальные контакты между исследователями и промышленностью, которые ведут к совместному владению изобретениями и компаниями, защищенными законодательством об интеллектуальной собственности. Пагубность этих установок может проявиться в долгосрочной перспективе, если усиливает существующие социальные неравенства. В

моралистическом смысле тесная связь социальных и экономических интересов имеет название *коррупции*.

Плавный социально-эпистемологический переход между понятиями общественного блага и социального капитала ставится под сомнение очередной трюизм: знание, не являющееся частным, в силу самого этого факта общественно. Знание распространяется настолько свободно, что требуются специальные усилия, чтобы ограничить его текучесть. Однако признание трудности исключения людей из знания не эквивалентно утверждению, что знание включает всех. Необходимы специальные усилия, чтобы сделать знание универсально доступным. Иначе, как в случае нерегулируемого рынка, только те, кто был предварительно исключен по идеологическим, но не материальным соображениям, будут ограничены в возможности извлечения выгоды.

Две коварные особенности неолиберальной концепции общества знания: 1) девальвация знания, утверждается, что все организации участвуют в деле создания знания в одном и том же смысле; 2) демократические процедуры сводятся к рыночным процессам. Побочный продукт вырождения государства — постепенная замена «общественного блага» «социальным капиталом». Прагматическая часть социальной эпистемологии — *политика знания*.

Политика знания отличается от обычной политики науки признаем того, что политика всегда должна проводиться, даже когда ее статус-кво устойчив, или, в терминологии Карла Поппера, отличается индуктивными правилами. В науке институциональная инерция лежит в основе процессов самоорганизации, самоотбора и самостратификации, связанных с различными уровнями "экспертной проверки" в науке. Первоначально "экспертная проверка" ограничивалась публикацией законченного исследования, но в 20 столетии, как только наука стала государственным институтом, она стала охватывать фонды, необходимые для того, чтобы просто иметь право проводить исследования.

Обычная научная политика имеет тенденцию сосредотачиваться на отдельных проблемах, не оценивая при этом дисциплинарное знание, релевантное для подхода к этим проблемам. Анализ научной политики редко фигурирует в *открытии или в конструировании* проблем, которые рассматриваются такими, какими они даны.

Политика знания критически исследует поддержание институциональной инерции: почему исследовательские приоритеты не сменяются чаще и радикальнее? Почему проблемы возникают в одних контекстах, а не в других? Почему борьба за ресурсы сосредотачивается, в основном, в пределах дисциплины, а не между дисциплинами?

К этим вопросам обращаются на основе трех предположений:

- *диалектическое предположение*: научное изучение науки может служить для того, чтобы изменить, в конечном счете, ее поведение. Наука достигла своего текущего состояния в значительной степени при отсутствии такого рефлексивного исследования;
- *конвенциональное предположение*: исследовательская методология и дисциплинарная дифференциация поддерживаются не потому, что они предписаны законами разума или природы, просто не было сделано никакого совместного усилия для их замены;
- *демократическое предположение*: наука может быть рассмотрена и оценена не информированной соответствующим образом публикой.

Социальный эпистемолог может начать с идентификации различия интересов групп,

которые получают достаточно выгод от своего статус-кво, при котором у них мало стимулов к изменению своего образа действий.

Стратегия социального эпистемолога в этом случае состоит в том, чтобы периодически реструктурировать окружающую среду, в которой исследователи конкурируют за ресурсы.

При такой стратегии управления производством знания можно гарантировать, что междисциплинарные границы не будут застывшими, а научное сообщество не приобретет твердо определенных классовых интересов, препятствующих коммуникации как между дисциплинами, так и с обществом в целом.

Стороны, решающие вопросы политики знания, должны осознавать необходимость служить интересам других, чтобы защитить свои собственные. Различные перспективы спорящих сторон причинно связаны с общей судьбой, *res publica*.

Основное поле битвы за управление знанием: *фирма vs университет*.

Скрытое хранение знания - защитная стратегия, предназначенная для того, чтобы остаться востребованным, и даже трудоспособным, в изменчивом трудовом рынке экономики знаний.

В более широкой перспективе социальной эпистемологии тенденция знания к выходу за пределы формирующих его сетей - положительный *рыночный* механизм, препятствующий корпоративному *укрыванию* знания, которое может привести к окончательной блокировке свободного обмена, к монополии.

Целостный университет представляет собой большее, чем сумму составляющих его частей (системные, эмерджентные качества).

Университет, исходя из своего изначального статуса, занят *постоянным творческим разрушением социального капитала*.

Классическая миссия университета - соединение обучения и научного исследования.

Научное исследование - естественный генератор социального капитала. Те, кто инвестирует капитал или труд в его производство, первыми получают выгоду. Требуются дальнейшие усилия, например в виде лицензионных платежей, ренты или платы за обучение, чтобы сделать этот капитал более доступным для широких масс. Это обычно ведет к сокращению собственного рыночного преимущества субъектов.

Именно *обучение* делает изначальное эзотерические исследования доступными для студентов, позволяет студентам использовать их и вносить в них свой вклад.

Именно потому, что первоначальное преимущество знаний разрушается в процессе обучения, исследователи постоянно ищут мотивы для оправдания производства новых исследований, которые дадут им временное рыночное преимущество. Этот цикл составляет социально "прогрессивную" силу, если каждое последующее поколение исследователей происходит хотя бы из немного различающихся социальных слоев.